

На сцене ведущий продолжал свою речь. В десятке метров выстроились шеренги классов всех трех параллелей, а напротив трибуны стояли завучи, учителя и члены студенческого совета. Цзян Хуай замер. Его рука была скрыта широким рукавом школьной олимпийки. Бо Цзянь, опустив голову, смотрел на их руки и медленно, бережно обхватывал ладонью его замерзшие пальцы. Костяшки пальцев Цзян Хуая упирались в его ладонь — твердую, теплую и слегка влажную.

— Замерз? — тихо спросил он.

Цзян Хуай стоял неподвижно, не произнося ни слова. Ладонь Бо Цзяня дарила приятное, успокаивающее тепло, его хватка постепенно становилась крепче. Спустя некоторое время он шепнул:

— Дай мне и вторую руку.

У Цзян Хуая в горле настолько пересохло, что он едва мог говорить. На мгновение замешкавшись и перебрав несколько вариантов ответа, он наконец с трудом вытолкнул:

— Здесь слишком много народу. Не надо.

Он неосознанно завел за спину вторую руку, в которой держал похвальную грамоту, сжав ее в твердом переплете так сильно, что та едва не смялась.

— Цзян Хуай, я тебе нравлюсь? — спросил Бо Цзянь.

Цзян Хуаю показалось, что у него в голове лопнула последняя струна.

— Цзян Хуай, я тебе нравлюсь, — уверенно произнес Бо Цзянь.

Цзян Хуай словно впал в оцепенение. Опустив взгляд, он упорно смотрел на тыльную сторону ладони Бо Цзяня. Он долго стоял не шевелясь: ни рука, ни взгляд, ни голова не дрогнули — казалось, он превратился в деревянный столб, который пустил на месте корни, выбросил побеги и зацвел.

Линь Фэй искал Цзян Хуая все утро и никак не мог найти. Когда началась церемония поднятия флага, он спустился на спортивную площадку и увидел Цзян Хуая прямо на сцене. Тот выступал без текста, импровизируя на ходу, да так, словно в трехсотый раз зачитывал объяснительную «Я был неправ». В старине Лине мгновенно вспыхнул гнев, и он свирепо направился к подножию сцены на поиски Цзян Хуая.

Краем глаза Цзян Хуай внезапно заметил Линь Фэя. Он мгновенно выдернул свою руку, поправил козырек кепки и, мимолетно, без единой эмоции скользнув взглядом по Бо Цзяню, холодным тоном произнес:

— Совсем чуть-чуть.

Раздался тихий хруст — твердая обложка грамоты, зажата за спиной, всё-таки треснула под его пальцами.

— Не сильно, — добавил Цзян Хуай.

Развернувшись, он закинул рюкзак на плечо и без малейшего сожаления покинул объект своего признания.

Через полминуты его перехватил старина Линь. Линь Фэй преградил ему путь:

— Ты где пропадал всё утро?! На сообщения не отвечаешь, на звонки тоже! Во сколько ты пришел и что только что устраивал на сцене?! Нашел же время... Ни разу не упустишь случая подвести в самый ответственный момент?!

Цзян Хуай:

— ...

Ему казалось, что выслушивать нагоняй от учителя сразу после признания в любви — это как-то совсем не соответствует образу крутого парня.

Церемония поднятия флага еще не закончилась, а Вэй Хэпин уже полностью покраснел от возбуждения. Он вытащил телефон.

[Поднимите меня, я зажгу]: !!! Цзян Хуай, ты что, только что признался председателю??? Тебе правда нравится председатель Бо????

Цзян Хуай, получив нагоняй от старины Линя, направился прямо в класс. На полпути он остановился и некоторое время молча смотрел в экран телефона.

[Настоящий лидер]: Вроде того.

От следующей череды восклицательных и вопросительных знаков, присланных Вэй Хэпином, у Цзян Хуая запестрело в глазах.

[Поднимите меня, я зажгу]: Я так и знал, что это правда!! Когда вы успели?!

[Настоящий лидер]: Еще ничего не решено, так что никак.

[Поднимите меня, я зажгу]: ?

Цзян Хуай убрал телефон обратно в карман, не желая больше отвечать.

Толкнув дверь, он вошел в класс, широко расставил ноги, садясь на стул, и откинулся на край стоящей сзади парты. Спустя мгновение он обернулся и посмотрел на заднюю парту... Если бы Вэй Хэпин не упомянул об этом, он бы и не вспомнил: во время признания он, кажется, забыл спросить Бо Цзяня, согласен ли тот встречаться с ним.

Черт.

После окончания церемонии поднятия флага, по дороге в корпус Сюэли, Чэнь Фэнцзэ отчетливо заметил, что председатель Бо витает в облаках.

— Ты чего такой? — спросил он.

Бо Цзянь особо не отреагировал, лишь рассеянно поинтересовался:

— Как вы с Ян Чэнь начали встречаться?

Бо Цзянь впервые сам спросил его о подобном, и Чэнь Фэнцзэ совершенно растерялся:

— Ну, она из соседнего класса. Несколько раз приходила спросить про задачи, я решил, что

направляюсь ей, и признался... А ты чего вдруг спрашиваешь?

Чэнь Фэнцзэ утром проверял дисциплину и не был на линейке, но тут же догадался и с ужасом воскликнул:

— Ты что, блядь, собрался признаться Цзян Хуаю?!

Бо Цзянь с ленивым и непринужденным видом ответил:

— Просто хочу с ним поговорить.

Чэнь Фэнцзэ вернулся в Третий класс. Подойдя к задней двери Второго класса, Бо Цзянь ненадолго замер, его кадык дернулся. Он впервые в жизни почувствовал волнение.

Бо Цзянь потянул за ручку двери, и в тот же миг из нее выходил Цзян Хуай — они столкнулись нос к носу.

Он обомлел, Цзян Хуай тоже на секунду застыл.

Бо Цзянь стоял не шевелясь, Цзян Хуай тоже не двигался с места.

Цзян Хуай отвел взгляд:

— Ты...

— У тебя есть время в обед? — Бо Цзянь опустил свои узкие глаза и тихо проговорил: — Хотел бы поговорить с тобой.

Цзян Хуай неожиданно запнулся:

— О... о чем поговорить?

— О том, хочешь ли ты стать моим парнем, — ответил он.

Цзян Хуай мгновенно замолк.

Это было не то место и не то время. Раньше Бо Цзянь всегда считал себя человеком терпеливым, умеющим выжидать и двигаться к цели шаг за шагом... Но сейчас терпеть больше не мог.

Если он будет ждать дальше, то перестанет быть похожим на Альфу.

Бо Цзянь опустил глаза и, как делал это бесчисленное количество раз до этого, протянул перед Цзян Хуаем открытую ладонь:

— Берешь?

Ладони Цзян Хуая мгновенно взмокли.

У задней двери класса, перед первым утренним уроком, в корпусе Сюэли, в понедельник... Бо Цзянь тихо спросил:

— Цзян Хуай, ты возьмешь меня?

Цзян Хуай пристально смотрел на него, поджав губы. Спустя долгие секунды он выдохнул:

— А вы разве не говорили, что ранние отношения вредят результатам промежуточных экзаменов?

Бо Цзянь:

— ...

— Тогда... подождем, пока не сдадим промежуточные экзамены, ладно? — спросил он.

Цзян Хуай вытер выпотевшие ладони о ткань кармана.

— Хорошо, — ответил Бо Цзянь.

Промежуточные экзамены наступили строго по расписанию.

Четверг и пятница — расписание полностью совпадало со пробными экзаменами: в четверг утром — китайский язык, днем — математика и физика; в пятницу утром — химия и биология, а последним предметом во второй половине дня — английский.

Цзян Хуай снова оказался в аудитории № 40 и снова сидел друг за другом с Чжао Тяньцином.

Всю неделю перед экзаменами Цзян Хуай потратил на повторение физики, химии и биологии. Особенно химии и биологии: по физике было много комплексных задач, тему электрического поля он повторил неплохо, а вот гравитационное поле знал средненько.

В четверг утром первым экзаменом был китайский язык. В семь сорок пять Цзян Хуай прибыл в аудиторию № 40 в Восточном корпусе.

Чжао Тяньцин от отчаянной скуки подпирал голову рукой и подбрасывал кости — те самые кости, которые он так и не вернул Цзян Хуаю с прошлого раза. Заметив Цзян Хуая, он окликнул его:

— О... брат Цзян, пришел?

С тех пор как Чжао Тяньцин своими глазами увидел, как Цзян Хуай, словно собак на поводке, выгуливал компанию хулиганов из Четвертой школы, пробравшихся во Вторую школу, обращение Чжао Тяньцина к Цзян Хуаю сменилось на уважительное и гиперболизированное «брат Цзян».

Цзян Хуай буркнул:

— Угу.

Чжао Тяньцин открыл было рот, но сдержался. С тех пор как школа объявила о снятии с Цзян Хуая взыскания за прошлый семестр и вручила ему награду «За мужество и отвагу», школьный форум гудел от обсуждений того происшествия.

Раньше, когда на форуме писали, что «Сун Цзюнь арестован», даже при наличии неопровержимых доказательств находились скептики. Но в этот раз факты признала сама школа, и дело приняло иной оборот. Хейтеров, безнаказанно поливавших Цзян Хуая грязью по поводу и без, стало гораздо меньше; кто-то даже создал ветку «Все, кто хейтил Цзян Хуая, заходите взять номер и извиниться». Однако форум читали не только ученики, но и их родители... И если школьники просто глазели на драму, то родителей куда больше волновал вопрос о том, как не допустить повторения чудовищных случаев вроде «домогательства Омеги-

парня к Омеге-девушке». К тому же они узнали, что, к счастью, рядом оказался парень-Альфа по имени Цзян Хуай, который и пришел на помощь.

Хотя для Чжао Тяньцина по внешнему виду Цзян Хуая казалось, будто ничего не произошло, и Цзян Хуай ни разу не обмолвился об этом... Но даже его собственные родители — а он был простым Бетой — уже слышали о геройских подвигах ученика Цзян Хуая.

Ученик Цзян Хуай — настоящий юный герой в глазах нового поколения родительских чатов.

Чжао Тяньцину до смерти хотелось взять интервью у этого юного героя, но он не решался вымолвить ни слова, панически боясь спросить лишнего — а ну как этот герой одной рукой вышвырнет его, нежнокожего Бету ростом под метр девяносто, прямо из аудитории.

Помявшись некоторое время, Чжао Тяньцин спросил совсем не то, о чем думал:

— Ты как, подготовился?

— Нормально, — ответил Цзян Хуай.

«Нормально» в аудитории № 40 означало «практически не открывал учебник». Этот семестр короткий, во второй его половине ежемесячных экзаменов не намечалось — сразу итоговые за семестр. А к итоговым экзаменам рассадку будут формировать уже по рейтингу успеваемости за эти промежуточные.

Чжао Тяньцин усмехнулся:

— Хе-хе, интересно, сидеть ли нам снова друг за другом на следующем экзамене?

— Нет, — отрезал Цзян Хуай.

Чжао Тяньцин:

— ...

Бессердечно.

<http://bllate.org/book/18377/1766616>